

О мерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ИСПОВЕДЬ СВЕКРОВИ, ИЛИ УРОК ПАРАЦЕЛЬСА
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЛАСТОЧКА
ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ

р о м а н

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Ранее книга выходила под названием
«Спасение утопающих»

Колочкова, Вера.

К61 Ласточка для Дюймовочки : роман /
Вера Колочкова. — Москва : Издательст-
во «Э», 2016. — 320 с. — (О мечте, о любви,
о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-82997-2

Семнадцатилетняя Даша понимает, что ждет ребенка, слишком поздно... Мать, опасаясь скомпрометировать мужа-депутата неудобной беременностью дочери, отправляет ее из Петербурга в маленький уральский городок к бабушке. Здесь, по решению семьи, Даша должна родить и отдать малыша бездетной паре. В новой школе девушка знакомится с юной матерью-одиночкой Натальей — ее пример заставляет Дашу пойти наперекор воле родителей и взять ответственность за свою судьбу на себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-82997-2

Если дочь приносит в подоле —
Это ради жизни на земле?

Владимир Вишневский

Глава 1

Довольно противная штука — эти затяжные октябрьские дожди. Особенно в родном Питере, и без того ветрено-сыром и промозглом. Особенно утром в понедельник, когда после катастрофически быстро образовавшейся телесно-воскресной лени надо собираться с духом и вытаскивать себя из теплой постели. Вытаскивать и идти в свою престижную гимназию, будь она неладна... Ну вот почему, почему надо учиться именно в гимназии, среди этих маленьких снобов? Почему не в обычной школе? Хотя какая теперь разница, в ее-то ситуации... Какая разница, в каком месте оскандалиться? Неминуемо и жестоко оскандалиться. Еще, наверное, недели две-три, и...

А может, вообще с постели не вставать? Утро понедельника, дождь, лень... Хотя чего уж себя обманывать — сколько же можно. Все равно обманом этим в прежнюю жизнь себя не впих-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нешь. Пора наконец отдать жесткий отчет, что леньность понедельника — это совсем не то чувство, которое держит ее под одеялом. Оно вообще из прошлой еще жизни, это чувство. Из той, из счастливой, по-детски наивной и капризулистой, когда совершенно справедливо полагаешь, что нет ничего на свете более противного, чем проклятое утро понедельника. И не подозреваешь даже, что «противное» — это, оказывается, совсем другое. То самое, взрослое, и непривычно-тяжелое, и безусловно тягостное или какое там еще, господи... «Противное» — это когда даже мимо зеркала нельзя пройти! И зачем, зачем она тогда, в своем беззаботном еще детстве, настояла на этом огромном зеркале в своей комнате? Захотелось на себя в полный рост любоваться, видите ли. Каждый день. Вот теперь и любуйся! Проходи мимо и взглядывай испуганно, не выползают ли коварно наружу первые признаки сложившейся в организме нехорошей ситуации. Или не взглядывай, проскакивай мимо приткким зайчиком. Может, недельку еще и попрыгаешь. А дальше-то что? Потом-то что делать с этой нехорошей ситуацией в свои школьные семнадцать? Нет ответа. И выхода тоже никакого нет. Эх, где же вы, прежние ветрено-сы-

Ласточка для Дюймовочки

рые и промозглые понедельничные утра, противные потому только, что тело разленилось за выходные и сопротивляется такой малости, как раннее вытаскивание себя из постели...

Хотя, если судить по большому счету, сложившуюся в ее юном организме нехорошую ситуацию можно признать, наверное, совершенно жизненной. Обычной даже. А для женщин, умудренных своим многолетним женским опытом, даже и самой заурядной. Уж они-то наверняка знают, что им со всем этим беременным хозяйством делать — или радоваться, или досадовать, или бежать куда, чтоб принять срочные меры по его ликвидации. А вот она, Даша Кравцова, совсем не знает. Она про многое знает, а вот про это — хоть убей! Да и не стремилась она никогда к этим знаниям. Как-то и не нужно было. Зачем? Только голову засорять. Девушкой она была разумной, а для своих семнадцати еще и чересчур прагматичной. И цену себе знала. И все у нее шло в жизни по правилам: в семье росла совершенно полной, то есть с настоящими, живущими с ней бок о бок благополучными мамой-папой, в лихом тинейджерстве, как другие, долго не засиделась, красоту лица природно-естественную в погоне за обманчивой подростковой стиль-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ностью не потрепала и даже с местом для получения высшего образования сумела заранее определиться. И даже попасть на это место должна была очень легко. А после окончания института в Дашины хорошие жизненные планы входило такое же хорошее замужество — чтоб непременно по большой любви. Это уж потом она должна была, следуя всему и далее такому же хорошему, родить себе ребеночка. Или даже двоих детей. А тут вдруг такое — без планов, без института, без замужества...

И что теперь? Как быть-то? Отдавать на откуп растущей в ней ситуации свою хрупкость-стройность да такую приятную, старательно натренированную во всех местах мышечную упругость? Они что, вот так, ни за здорово живешь, должны пропасть в распирающем ее изнутри существе, имя которому — нежелательная беременность? Родить себе ребеночка, школу даже не закончив? Нет-нет, надо что-то делать, надо срочно что-то делать! Только вот что?

Тяжко, со всхлипом, вздохнув, она снова нырнула под одеяло, свернувшись клубочком. Услышав из прихожей бодрый мамин голос, быстро сунула голову под подушку. Вот всегда у мамы так голос звучит, когда она папу по

Ласточка для Дюймовочки

утрам провожает. На сплошной жизнерадостной оптимистической ноте. А потом она еще и к окну кухонному подходит и ждет, когда он ей снизу улыбнется. И сама в ответ улыбается и вскидывает резко кулачок вверх — но пасаран, мол. Враги не пройдут. Иди, мой любимый муж, совершай свои подвиги... Сейчас и ее, Дашу, так же жизнерадостно будет в школу провожать. Заряжать, как она говорит, положительной да созидательной энергией. И надо будет изо всех сил делать вид, что ты эту энергию в себя приняла благодарно и тоже пошла — но пасаран! — бороться с неизвестными врагами, и созидать свою будущую хорошую жизнь, и совершать свои в ней личные маленькие подвиги.

А что, если и в самом деле сегодня не вставать? Сказаться больной, например? Тогда и мимо зеркала можно не проходить, и себя не разглядывать потаенно-испуганно. Чего уж теперь разглядывать — вчерашний поход в поликлинику ей и без того никаких надежд на спасение не оставил. И так уж все ясно...

— ...Девушка, извините... А у вас тут гинекологический кабинет есть? Только мне это... Анонимно надо... В рекламе написано, что у вас все анонимно...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А сколько вам лет? Восемнадцать есть?

— А что? Надо, чтоб восемнадцать было?

— Так есть или нет? — подозрительно на нее посматривая из-под кокетливой шапочки-пилотки, переспросила молоденькая регистраторша за стойкой.

— Ну да. Есть. Есть, конечно.

— Паспорт давай.

— Так я не взяла... Анонимно же...

Девушка снова обзрела ее всю внимательно и печально, потом вздохнула коротко и, написав что-то на маленькой бумажке, протянула ее Даше:

— Иди в кассу, оплачивай. А потом в сорок первый кабинет. Сегодня Лариса Львовна принимает, она как раз умеет с малолетками работать.

— В каком смысле?

— В воспитательном, в каком. Беда прямо с вами, с девчонками. И чего вы так рано во взрослую эту жизнь лезете, не понимаю? Не успеете будто...

— А меня воспитывать не надо, я воспитанная, — по привычке гордо вскинув голову и освободив лицо от занавешивающих его со всех сторон модно рваных белых прядей, проговорила Даша. Да и маленькая бумажка, ко-

Ласточка для Дюймовочки

торую она торопливо приняла из рук строгой регистраторши, уже вселила в нее некоторую уверенность. А вдруг и впрямь эта самая Лариса Львовна, которая умеет хорошо с малолетками работать, ей возьмет да поможет?

Уверенности этой, впрочем, хватило ей только на то, чтоб дойти по длинному коридору до двери под номером сорок один. Снова напала на нее прежняя испуганно-тоскливая маетность, и вместо того, чтоб сразу войти в заветную дверь, она почему-то уселась на узкую, обтянутую веселеньким оранжевым дерматином кушетку, безвольно сложила на джинсовых коленках руки плеточками. Белые легкие перышки-прядки, послушно притворяясь естественными — такой вот стильно-небрежный и жутко дорогой парикмахерский изыск, — скользнули на щеки, на подбородок, на лоб, полностью закрыли Дашино смятенное лицо. И сердце стучало дробно и гулко, будто в груди у нее образовалась совершеннейшая пустота, и свесившаяся с коленки тонкая кисть подрагивала в такт этим ударам. Едва заметно, но Даша видела, как она подрагивает. И вся на этом сосредоточилась. Наверное, слишком уж быстро она подрагивает? Это от волнения, наверное. Потому что ситуация уж

ВЕРА КОЛОЧКОВА

слишком противная. И поликлиника эта противная, и оранжевая кушетка противная...

— Вы ко мне, девушка? — проворковал у нее над головой приветливый женский голос из приоткрытой двери сорок первого кабинета.

Даша вздрогнула и, вмиг вскочив, распрямилась во весь рост. Белые волосы красиво и быстро отлетели от лица, обнажив застывшие ступором испуга глаза. И ответить ничего не сумела — только рот открыла да сглотнула судорожно.

— Так вы ко мне? — снова спросила красивая молодая врачиха с приветливо доброй смешинкой в глазах и улыбнулась ободряюще.

Даша набрала в грудь побольше воздуха, чтоб ответить вежливо и утвердительно, но вместо этого тут же снова его выдохнула и, нервно сглотнув, схватилась испуганно за горло.

— Так. Понятно все с вами, девушка. Бывает. Шок на вербальном уровне, — тихо проговорила врачиха. Потом вздохнула и продолжила: — Ну, заходи... Давай сюда бумажку свою, чего ты ее мертвой хваткой в руке зажала? Ничего, что я на ты? Можно?

Даша оловянным солдатиком прошествовала в кабинет, уселась перед врачихой на стул,

Ласточка для Дюймовочки

скосив невольно глаза на раздвинутую в углу белую ширму. Сжав ладони между коленями, стала смотреть испуганно, как та берет ручку, как шевелит улыбочиво губами, что-то такое ей говоря, как кладет перед собой линованный аккуратно листочек. Бланк, наверное. Все как в настоящей больнице. Как это у них, интересно, называется? Карточка? История болезни? Или беременность — это не болезнь вовсе? Тогда как? История беременности? Нет, не так, наверное. Эту ж историю просто так не возьмешь да не расскажешь, чтоб в карточку ее записать...

— ...Эй, вы слышите меня, девушка? Фамилию мне скажите! Потом имя. Потом отчество. Вы меня поняли? Фамилию, имя и отчество!

— Простите... Но как, как же фамилию? — дурным голоском проблеяла наконец Даша. — Я не хочу фамилию. Я потому к вам и пришла, что у вас анонимно...

— Ну конечно, конечно же, анонимно! А фамилию любую скажите. Мне же как-то надо вас зарегистрировать. Назовите любую фамилию. Иванова, Петрова, Сидорова...

— Сидорова? Ну ладно... Пусть тогда будет Сидорова... А имя... пусть будет Татьяна. Татьяна Петровна...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Хорошо. Так и запишем. Сидорова Татьяна Петровна, — успокаивающе проворковала врач. — А меня зовут Лариса Львовна. А полных лет вам сколько, Татьяна Петровна?

— Семнадцать... — неуверенно произнесла Даша.

— Очень хорошо. Так и запишем. Семнадцать. А теперь слушаю вас, Татьяна Петровна, очень внимательно. Что у вас за проблемы такие?

— Я... У меня... — Даша снова судорожно сглотнула, задрожали губы, пытаюсь сдержать подступающие слезы. Лучше бы уж нахамила ей эта врачиха, ей-богу. Лучше бы уж обозвала как-нибудь. А то — слушаю вас... С чего это она вдруг слушать ее собралась? Неужели и без того непонятна ей Дашина проблема? Что она, любопытства ради сюда забрела, что ли? Мучимая заботой о юном своем женском половом созревании?

— Ладно. Все понятно с вами, Татьяна Петровна, — словно ее услышав, вздохнула добрая врачиха Лариса Львовна. — Пойдемте, я вас осматрю...

А ровно через двадцать минут после мучительно-незнакомой и неприятной процедуры Даша уже почти равнодушно выслушала из ее

Ласточка для Дюймовочки

уст свой приговор. Не смертельный, конечно, но с пожизненным сроком наказания. Впрочем, она и сама об этом давно уже догадалась...

— У тебя уже очень большой срок, девочка. Сделать тут практически ничего нельзя. Ни один врач не возьмется. А если найдешь придурка какого-нибудь, деньгами озабоченного, — себя искалечишь. Помни это. Ему что, он деньги возьмет, и поминай как звали. А тебе жить. Не делай глупостей, девочка. Хорошо? Прошу тебя. Лучше маме скажи. У тебя мама есть?

— Да. Есть. И мама, и папа.

— Что, строгие очень?

— Да нет. Нормальные...

Даша пожала плечами, снова зажала холодные пальцы с французским маникюром между коленками, снова низко опустила голову, дав возможность нежным перышкам-прялкам красиво скользнуть на лицо. И замолчала. Надо было поблагодарить эту Ларису Львовну за проявленную к ней заботу, надо было встать и уйти, но она продолжала горестно и упорно сидеть, будто ждала самого распоследнего, самого спасительного выхода из нехорошей своей ситуации. Мама вот любит повторять, между прочим, что из абсолютно каждой си-